СОДЕРЖАНИЕ

Однополчане. Спасти рядового Краюхина 5

Однополчане. Русские своих не бросают! 211

Псевдоним «Алекс». Диверсант № 1 419

Псевдоним «Алекс». Супердиверсант Сталина.
И один в поле воин 623

Однополчане.
Спасти рядового Краюхина

Глава 1. ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ

«Бентли» мчался по московским улицам и проспектам, вокруг все сияло и переливалось, било наотмашь цветами рекламы, а вереницы фонарей рассеивали желтый и оранжевый свет.

— Вау-у! — восторженно взвыл Вика, выжимая газ.

Мотор и вовсе взревел, Алла завизжала и полезла в люк — подышать. Марлен тут же приобнял ее за ноги — надо же поддержать человека! — и Алка закрутила попой, напевая что-то, почти неслышное за ревом набегавшего воздуха.

— Ви-ика! — капризно надула губки Карина, с ногами забравшись на переднее сиденье. — Не гони, я боюсь! Шумахер, блин...

Виктор пьяно рассмеялся, а Марлен, тиская приятные алкины выпуклости, подумал, что после первой порции виски Тимофееву еще можно доверять руль, но вот потом...

— А мы куда сейчас? — спросил он.

— Не знаю, Исае-ев! — пропел Виктор.

— Ой, а давайте в «Крышу мира»! — встрепенулась Карина. — В «Крышу мира»! В «Крышу мира»!

Алла тут же просунулась в салон, дразняще отклячивая круглый задик, и заявила:

— В «Сохо Румс»!

— В «Крышу мира»!

— Сначала в «Сохо Румс», а потом — в «Крышу мира»! — рассудил Тимофеев. — Вот тебе и весь сказ.

— Ну, ладно...

Исаев снисходительно улыбнулся. Хоть ему и стукнуло двадцать пять, и он был на год младше Витьки, Марлен чувствовал себя опытным старшим товарищем.

Просто, немного себя испытав, он ощутил в себе новое отношение к жизни, к себе самому. Теперь его уверенность покоилась на сознании собственной значимости — Исаев представлял себе, на что он способен, установил себе пределы допустимого. Правда, достичь верха и назвать себя взрослым мужчиной у него пока не

получалось — Марлен не знал, чего же он хочет в жизни, и чем ему заниматься, чтобы исполнить свои желания.

Идти в бизнес по стопам отца желания не было. Стимул тоже отсутствовал — деньги имелись, и немалые, вот и появлялся соблазн — не думать о будущем, обождать. Решение само придет...

И все же по сравнению с Виктором Марлен выглядел, как скучный старший брат, снисходительный к баловству младшего.

Нет, раньше, лет пять назад, они были как два сапога — пара. Вот так же носились по ночной Москве — Вика на «Феррари», он — на «Ламборджини», — заваливались в «ночники», снимали девчонок. Могли сгонять в Париж и обратно — просто так. Наркотиками, правда, не баловались — и очень этим гордились.

Да, еще они учились.

Марлена батя устроил в МГТУ. Дескать, мечта у него была — поступить в Бауманку, да не срослось. Пускай хоть сын за меня выучится!

Илья Марленович, отец Марлена, был из тех, кого на заре «катастройки» звали «новыми русскими». Сам Исаев-старший отрицал подобный статус, поскольку напрямую с криминалом не соприкасался. Да, случались у него сделки, проходившие по тонкой грани между законом и преступлением, ну, так, а что делать, если «социалистическое отечество» густо заросло «джунглями капитализма»? В мире чистогана, как известно, выживает сильнейший. И хитрейший. Ладно, ладно — умнейший.

Илья Исаев вернулся из Афгана старшим сержантом. Поступить в московский вуз перед армией не удалось, и после дембеля не вышло — сыну исполнился годик, жили они в съемной комнатушке, так что надо было изыскивать средства, а не о диссертациях мечтать. Зато, как это часто случается, родитель перенес свою мечту на ребенка — учись, сынок, за папу!

Исаев-младший был не против — на факультете он занимался электроникой, а это ему было интересно. Он реально испытывал позитив от возни с деталями, схемами, от сборки робота Термократора, умевшего ходить, вертеть головой и говорить.

Нет, гулять Марлен тоже любил, как и всякий ребенок двадцати лет от роду. Его это подчас доставало — раньше, вон, пацан в пятнадцать лет на завод устраивался, когда отец на фронт уходил, и реально был главой семьи. А теперь, если тебе даже двадцать, то ты всего лишь великовозрастное дитё.

Исаев очень не хотел вливаться в когорту этих инфантильных переростков, но, видать, не хватило ему воли.

Четыре года он, худо-бедно, но отучился, даже пару раз в конкурсах участвовал, чуть было стартап не затеял на ниве кибернетики, а на пятом курсе загулял — пошли «энки», «незачеты»... Короче, отчислили Марлена.

Тогда Исаев-старший «сослал» сына в Лондон — обживаться в языковой среде. А толку? «Золотой молодежи» и в «Лондонграде» хватало, было с кем потусить. Вот тогда отец и поговорил с «блудливым сыном». Ну, как поговорил...

Молчал минут пять, сопел в две дырки, а потом посмотрел этак, с легкой брезгливостью, и сказал: «В армии мы таких, как ты, звали чмошниками». Сказал, повернулся и ушел.

А Марлен стоял, как оплеванный. Десять минут спустя он уже ехал в Хитроу, весь на нерве, злой, а когда прилетел в Москву, сходил в парикмахерскую, сделал себе прическу «милитари», и явился в военкомат. Готов, дескать, исполнить священный долг.

Ничего, отслужил, как все...

Исаеву ко времени призыва исполнилось двадцать два, так что в своей группе он был самым старшим. Да его и так никто не задевал — высокий, широкоплечий, Марлен внушал некоторое почтение уличной шпане.

Без ограничений по здоровью, Исаева направили в ВДВ, чем он поначалу гордился — как же, «Войска Для Войны»! Здесь не муштрой заняты, а как раз той самой боевой подготовкой, с утра и до вечера. Если бы он только знал, насколько это верно!

Наивные надежды на то, что в десанте из него мигом сделают крутого каратиста, на манер Брюса Ли, как минимум, не оправдались. Нет, конечно же, «рукопашке» их учили, и учили неплохо — самым эффективным приемам. Пользоваться саперной лопаткой, автоматом, ножом — уничтожать врага быстро и с наименьшими усилиями.

Но куда больше времени уделялось бегу. С кросса начинался каждый день! И штанга была, и на стрельбище часто занимались, и с парашютом прыгали — днем, ночью, на воду, на лес, из-за облаков, с оружием и снаряжением...

Поговорка, родившаяся в ВДВ, правильно выделяет суть: «Пять минут ты — орел, а все остальное время — ломовая лошадь».

В общем, скучать было некогда.

Однажды их послали в Чечню, когда там объявили КТО, но стяжать славу Исаев не сумел. Видимо, среди бандосов набралось мало желающих связываться с десантниками.

Так, проехали «на броне» по горным дорогам, один раз только постреляли, когда какой-то горец сдуру пальнул по колонне. Вот и все боевые действия.

Отец с матерью приезжали в часть, мать плакала и причитала (так и не освоила роль вышколенной богачки-стервы), а батя молчал-молчал, а потом просто пожал сыну руку, да и ушел. Дела.

После дембеля Марлен сохранил какой-то новый настрой, что ли. Он по-прежнему пользовался отцовскими деньгами (Исаев-старший еще двадцать пять лет назад сказал: «У меня в детстве ничего не было, пускай у сына будет все!»), но зарабатывать «бабосы» хотел сам. Именно зарабатывать, а не «делать» или стяжать.

Смешно — «новый русский» назвал первенца, как деда, Марленом, уже не помня, что имя это — в честь Маркса и Ленина.

А Исаеву-младшему нравилось. И он заказал известному дизайнеру логотип своего детективного агентства в виде двух профилей — автора «Капитала» и вождя мирового пролетариата.

Почему его потянуло именно в сыщики? Да вот, пришло както в голову, и не вышло. Может, про Шерлока Холмса да Эркюля Пуаро начитался? Или кино насмотрелся?

Отец сына поддержал — чем бы дитя не тешилось...

Вот только работенка вышла вовсе не такая, как в сериалах показывают — без погонь и перестрелок. То ревнивому мужу приспичит за женой проследить, то еще какая скучная бытовуха. Серьезных дел только два велось.

Но все равно, это была настоящая работа, он сам «пахал и заколачивал» деньги! Это и поднимало Марлена в собственных глазах, и позволяло смотреть на приятелей немного свысока.

Балуйтесь, дескать, балуйтесь, дядя за вами присмотрит...

...В этот момент Алле надоело изображать носовую фигуру на «Титанике», и она плюхнулась прямо Исаеву на колени. Прижалась, потянулась — и все мысли у Марлена выдуло из головы...

* * *

...Проснулся Исаев поздно. Разлепил глаза, сощурился от яркого света, бившего в окно, поморщился — в голове словно маленькие молоточки дробь выбивали. Где он?

Оказалось, что дома. То есть в студии, где размещался офис агентства «Маркс и Ленин». Только почему он на диване, а не в постели? И Алла где? Или Карина, без разницы?

Застонав, Марлен поднялся. О, бедная его голова...

Вздохнув, Исаев хмуро глянул на Вику Тимофеева, свернувшегося калачиком посреди его кровати. Вот, наглый...

Хотя Аллы или Карины рядом с Витькой тоже не было — наперсник детских забав дрых в полном одиночестве.

Марлен прошлепал босыми ногами в крохотную кухоньку, и запустил кофе-машину. Обычно он кофий не пил, чай хлебал в основном или какао, но сегодня доза кофеина точно не помешает.

Слушая, как шипит эспрессо, Исаев взлохматил волосы, и стал вспоминать вчерашний день.

Ну, сначала, как всегда, они завалились в «Пропаганду». Девочек угостили шампанским, а они с Витькой изрядно хлебнули текилы. Или там был виски? Ну, не суть важно...

Потом они двинули на Саввинскую, в «Сохо Румс», где отцеживается весь московский гламур — все эти звездушки и звездунчики, да «светские львицы», как нынче принято называть тунеядок.

Спрыснули радость, и поехали заливать горе в «Крышу мира». Да, они там точно были — Марлен помнил гостиницу «Украина» за окнами, и Белый дом. А дальше?

В памяти — пробел.

Выпив кофе, Исаев пошел умываться. Бриться не стал — лень, да и двухдневная щетина придает мужественности его пухлым щекам...

Одевшись, обувшись (джинсы «МакКуин», мокасины «Филипп Плейн», рубашка «Джеймс Лонг», пиджак «Дольче Габбана»), причесавшись, Марлен хмуро глянул на свое отражение. Будем надеяться, что легкая помятость до обеда разгладится.

Вздохнув, он перешел в кабинет, и отпер дверь в приемную, надеясь, что клиентов нет, и можно будет часок-другой поваляться на диване. Увы, клиент был.

Какой-то древний дедок, седой совсем, с палочкой, в простеньком пиджачке и обтерханных брюках, терпеливо высиживал в приемной.

— Вы ко мне? — спросил Исаев, тая последнюю надежду.

Старик медленно поднял голову. А глаза-то совсем молодые, цепкие...

— Я... к этому, — дед поморщился, — к частному детективу.

— Мои услуги стоят... — Марлен запнулся. — Недешево.

— Я в курсе.

— Заходите.

Старик неторопливо поднялся и, опираясь на трость, прошествовал в кабинет.

— Присаживайтесь.

Марлен устроился за столом, а дед опустился в мягкое кресло напротив.

— Почему ваше агентство так называется? — спросил старик. — Вы что, марксист? Верный ленинец? Или — наоборот?

Исаев помотал головой.

— Все куда проще. Меня зовут Марлен, в честь деда.

— Тогда понятно... — покивал старик.

— Так что вас привело ко мне?

Клиент подумал.

— У меня пропал правнук... — проговорил он. — Вам сколько?

— Двадцать пять.

— Ага... А Мише — двадцать четыре. Он недавно закончил институт, устроился на работу, пошел в первый свой отпуск и... Пропал. Без вести.

— Вообще-то, мои возможности не так уж широки, — осторожно проговорил Исаев. — Я, конечно, могу нанять людей, чтобы поискать вашего внука, но это будет очень дорого стоить. Нет-нет, я не отказываюсь, но... Может, будет лучше обратиться в полицию?

Дед не рассердился, кивнул спокойно и вроде бы печально.

— Я обращался уже, ведь Миша пропал пять дней назад, седьмого мая. Полиция тут не поможет...

— Почему вы так думаете? Вот что, расскажите мне, когда точно пропал ваш внук, где, при каких обстоятельствах. Хорошо?

Старик пожевал губами.

— Хорошо. Только у меня большая к вам просьба: не тревожьте родителей Миши, ладно?

— Вы думаете?..

— Да.

— Ну, ладно... Кстати... Извините, что не представился. Марлен Исаев. Просто Марлен.

— Павел Иванович Краюхин. Ну, что рассказать? Еще в прошлом году Миша с друзьями увлекся раскопками по войне... Поисковики, слыхали про таких?

— А, ну да, слыхал. Это, которые, оружие ищут, трофеи всякие?

— Кто как, — поджал губы Краюхин. — Есть такие, что павших откапывают и хоронят потом по-человечески.

— Простите, Павел Иванович, — смутился Исаев.

— Пустяки... Та команда, с которой мой Мишка сошелся, копала где-то под Рославлем, недалеко от поселка Стодолище. В июле 41-го там бои шли, наши отступали, выходили из окружения... Поисковики лагерь свой устроили недалеко от того места,

где у нас в 41-м тоже лагерь стоял, там даже землянки были... Вот в тех местах Мишка и пропал.

— А лес он знал, внук ваш? А то, знаете, как городские в лесу...

— Нет-нет, Миша лет с десяти в походы ходил, травы знал, коренья... Ему нож дай, он и рыбу словит, и птицу какую, и суп сварит.

— Интересно... — затянул Марлен.

Ему показалось, что дед чего-то не договаривает. Инфы сливает много, а какие-то сведения аккуратненько обходит.

— Вы... вот что, — глухо сказал Краюхин, доставая из внутреннего кармана пиджака сложенный файлик с бумагами. — Тут все, что Миши касается, и... Я человек, конечно, не богатый, так и потребности у меня — около нуля. В общем, тысяч триста я скопил-таки. Надо если, то и квартиру продам, миллионов восемь она потянет, надеюсь...

— Не надо ничего продавать, — пробурчал Исаев. — Сделаем так. Я выеду на место, и сам займусь поисками. Деньги у вас с собой? Или по карточке?

— Лучше наличными.

— Сто тысяч на расходы... А потом посмотрим.

Старик отсчитал двадцать новеньких пятитысячных, и расписался в стандартном договоре.

— Вы мне адресок ваш оставьте. И телефон.

— Все здесь, — старик легонько шлепнул рукой по файлику и покинул кресло. Уже направляясь к двери, он задержался, и сказал неуверенно: — Вы, если чего странного найдете, не отмахивайтесь, ладно?

— Ла-адно...

«Ой, крутит дед, ой, крутит...»

— До свидания, Павел Иванович.

— До свидания...

Старик вышел. Марлен послушал немного размеренный стук трости, и стал разбираться с бумагами. Информации — «около нуля».

Михаил Алексеевич Краюхин, закончил МИРЭА*. Заядлый турист, знался с реконструкторами, потом примкнул к поисковикам. Есть ли подруга, неизвестно, а вот друг был. Игорь Судат. Пропал вместе с Мишкой.

---

* МГТУ МИРЭА — Московский институт радиотехники, электроники и автоматики.

Исаев достал пластиковую папку, сунул в нее файлик, и аккуратно вывел маркером: «Дело № 3».

Тут в дверь поскреблись, и показалась лохматая голова Тимофеева.

— Привет, Исаев, — уныло сказала голова.

— Привет, привет... Куда наши девчонки делись, не помнишь?

— Девчонки?

— Ну, Алла с Кариной.

— А, эти... Не, не помню, — равнодушно мотнулась голова, и с робкой надеждой поинтересовалась: — Пиво есть? Холодненькое?

— Не держим-с! — садистски ухмыльнулся Марлен. — Ты же знаешь, я к пиву равнодушен.

Виктор громко застонал.

— Хочешь, поехали со мной? Проветришься по дороге.

— Куда?

— Под Рославль.

— Здрасте!

— Привет.

— А что ты там забыл?

— Дело там у меня. Может, даже уголовное. Парень там пропал, буду искать. Ну, как? Едешь?

— Поехали, — махнул Тимофеев рукой. — Все равно мне жизнь не мила!

Глава 2. ЗАМКАДЬЕ

«Бентли» так и остался на парковке, оставленный под утро — поперек разметки, разумеется, и одним колесом на бордюре.

Выехали на марленовском «Гелендвагене» — раньше это даже было поводом для плосковатых шуточек. Исаев, отучившийся в школе с английским уклоном, и разговаривавший на изысканном диалекте «инглиша», предпочитал немецкие машины, а вот Тимофеев, с малых лет изучавший «хох-дойч», обожал авто «Made in UK».

Аккуратно ведя гелик (недосып все-таки чувствовался), Марлен выехал за МКАД, и резко добавил скорости — быстрое вождение всегда хорошо тонизировало его, встряхивало, что ли. Водителем он был осторожным, и когда спидометр показывал 120, то Исаев полностью сосредотачивался на дороге.

Лихачества, к которому был склонен Вика, он не одобрял (взрослый дядя, что вы хотите...).

Еще четырех не натикало, когда они добрались до поселка Стодолище. Здесь даже супермаркет был.

Потрапезничали в кафе с игривым названием «Пышка», и двинулись дальше — по грунтовке вдоль реки Стометь, потом искали съезд, и по свежей колее добрались-таки до лагеря поисковиков.

Лагерь разбили на месте, где еще до войны красноармейцы вырыли землянки — тренировались они тут, что ли. Здесь холмы выстраивались подковой, обращенной к речке, а на берегу торчал камень необычной формы — двурогий, словно огромный зуб.

Сюда-то Марлен и заехал.

Поисковики жили в палатках, в сторонке был сколочен навес, под которым находился длинный дощатый стол. Невдалеке стояла замызганная «Тойота» и столь же заляпанный грязью грузовичок, который разгружали двое парней в камуфляже.

— Привет! — поздоровался с ними Исаев. — А где ваше начальство?

Белобрысый парень, перехватив картонный ящик с лапшой, указал подбородком:

— А вона, на раскопе! Дим Димычем кличут.

— Хорошо, хоть не фиксиком... — проворчал Виктор.

— Что, пива не хватило? — хмыкнул Марлен. — Ты ж пять бутылок высосал по дороге!

— Башка все равно болит.

— Ничего, сейчас надышишься, пройдет!

На большой поляне, которую охватывали подковой холмы, росло несколько вековых дубов. Именно между ними и шли раскопки. Трое мужиков и три девушки трудолюбиво рыли землю, откапывая нечто большое и ржавое.

— Всем привет! — бодро сказал Исаев. — А кто Дим Димычем будет?

Плотный мужик, затянутый в «пятно», обернулся к нему:

— Слушаю.

— Нас сюда Павел Иванович направил, Краюхин.

— А-а... Так вы из полиции?

— Не совсем. Детективное агентство.

— Эва как! — подивился Дим Димыч. — Первый раз живого сыщика вижу! Так вы насчет Мишки?

— Да, — кивнул Марлен. — Хочу осмотреть, так сказать, место преступления, хотя, на мой взгляд, в этом деле криминала нет.

— Ага...Правильный ваш взгляд. Уголовкой тут и не пахнет. Просто... Странно все как-то. Ну, ладно. Артем! Будешь за главного.

— Понял...

Дим Димыч сноровисто выпрыгнул из раскопа и отряхнул руки.

— Пойдемте, проведу по местам боевой и трудовой славы. Раньше мы копались на Десне, под Ельней, потом сюда сместились. Мишка потому и увязался за нами, что здесь его дед воевал. Где-то до 7 мая они тут с другом вкалывали. Потом уехали и вернулись уже числа десятого. Причем не на «Ниве», как раньше, а на великах.

— На великах?

— Ну, да. Полиция, когда приезжала, велики эти нашла и с собой забрала. Мишка их в Думаничах одолжил — это здесь недалеко. На великах, значит, с большими рюкзаками... Мишка сразу — хочу, говорит, покопаться на месте старого дедова лагеря. Я ему тогда и говорю — мы, мол, туда в июне переберемся, все вместе, а у него ж нетерпение! Сюда.

Сырой низинкой между холмов вся компания вышла на берег ручья, через который легко было перепрыгнуть, и поднялась на длинную и плоскую возвышенность, заросшую соснами.

Место было удивительное. Здесь легко дышалось, сосны росли так густо, что закрывали солнце, но сравнение с сумраком даже в голову не приходило — Марлен сразу вспомнил, как в детстве составлял стулья и накидывал сверху одеяло. Сидеть в таком «домике», да еще с фонариком, было очень «таинственно» и очень интересно.

— Место силы, — приглушенно сказал Дим Димыч. — Заметьте: болото рядом, а комарье вообще не залетает. Тут один мой дружбан бывал, он археолог, так он набрел тут на черепки. Какая-то срубная культура. Говорит, что городища здесь не стояло, места маловато, а вот кумирня какая-нибудь, святилище древнее — наверняка. Предки, говорит, ценили такие места. Да и потом... Вон там, где повыше, скит стоял, его еще сто пятьдесят лет тому назад спалили. Я об этом случайно узнал, поп один разговорился. Отшельник тут жил, святыню какую-то берег, а как помер, так и сгорело все. А вот тут, — поисковик неторопливо шагал к центру возвышенности, где ровная поверхность сменилась буграми да впадинами, — в тридцать восьмом лагерь был у артиллеристов. Они землянки нарыли, жили в них, склады организовали, а в сорок первом все тут разбомбили. Павел Иванович сюда приходил, стоял долго, думал все, вспоминал, как оно было. А палатку Мишка вон там поставил, повыше, где «Зачарованное Место».

— Зачарованное Место?

— Ага. Мишка так говорил. Это где-то в книжке про Винни-Пуха было, что ли. В старину тут капище стояло — Серега, это тот археолог, именно тут черепки свои наковырял. Потом на этом самом месте часовенку поставили, она вместе со скитом сгорела, а красноармейцы какой-то старый остов той часовенки приспособили — землянку соорудили. Вот такой тут культурный слой...

— И что Мишка? — Марлен вернул Дим Димыча к теме разговора.

— А что Мишка? — развел поисковик руками. — Тут и сказать-то нечего! Первый день, когда они тут копались, никто сюда не заглядывал. Мы только на третий день вспомнили, что никто к нам не заходил. В первый-то день раза три являлись — то заварки просить, то сахару, то у них черенок у лопаты сломался, чинили. Артем тогда сам к ним сходил, а тут никого! Мы еще, помнится, обиделись. Решили, что пацаны в Москву умотали. Возмущались, помню. Могли бы, дескать, и попрощаться зайти. А потом дня четыре проходит, и полиция нагрянула. Я сам их сюда провел, они тут все облазили, и нашли велики — не здесь, а метров за двести отсюда, у болота. И все на этом. Ни следов, ничего.

— Понятно... — протянул Исаев. — Ну, спасибо вам. Мы тут еще побродим немного?

— Да ради бога!

— Наверное, палатку поставим. Но к вам заглянем обязательно!

Поисковик расхохотался, и пожал Марлену руку.

Когда Дим Димыч ушел, настала тишина, чуть ли не первобытная. Казалось, вся цивилизация окрест сгинула, и они остались вдвоем в каком-нибудь палеолите. Если бы в это время затрубил мамонт, Исаев нисколько бы не удивился.

— Тебе не жутко здесь? — негромко спросил Виктор.

— Да не то, чтобы жутко... Странно как-то.

— Знаешь, а голова не болит уже!

— Вот! А я что тебе говорил? Пошли за палаткой.

— За палаткой? — вытаращил глаза Тимофеев. — Ты что, тут ночевать собрался?

— Почему я? — хладнокровно ответил Марлен. — Ты тоже.

— А я еще никогда не спал в палатке... — растерянно сказал Виктор.

— Вот и копи опыт!

Пока они перетащили из машины навороченную кемпинговую палатку «Алексика», пока установили ее, уже и стемнело. Поужинали с поисковиками — дорогой московский «паек» пошел на

ура — так что «домой» возвращались уже в полной темноте. Синий луч мощного фонаря высвечивал тропу, отчего мрак вокруг еще сильнее сгущался.

— Так, я налево, — бодро сказал Исаев, заползая в свой спальный блок. — Ты направо. Или меняемся? Мне лично все равно.

— Мне тоже, — уныло вздохнул Тимофеев. — Вот тебе и весь сказ...

Улегшись, Марлен долго слушал тишину. Лишь изредка задувал ветер, и тогда верхушки сосен сдержанно шумели. Угукнет ночная птица, и снова тишина.

Незаметно задремав, Исаев проснулся часа в два ночи — глаза уловили свет снаружи. Сонно поморгав, Марлен подумал, что это Витька решил до ветру сходить, а куда ж ему без фонаря? Еще бабайка схватит...

Улыбаясь, Исаев погрузился в сон.

* * *

Утром он встал свежим и отдохнувшим. Воздух, настоянный на хвое и смоле, омывал прокуренные и загазованные легкие. Ничего-то не болело, только аппетит разыгрался, но это как раз признак здоровья.

Идти к поисковикам Марлен поленился, да и толку? Те вставали рано, уже закопались, небось. Вчера, вон, скелеты нашли с медальонами. Будут потом изучать в лаборатории, чья фамилия записана на листочке, вложенном в бакелитовый «смертный» медальончик — чернила-то выцвели, и даже то, что было выведено химическим карандашом, уже не разобрать.

Хотя красноармейцы редко вкладывали в медальоны листочки со сведениями о себе. Да, если ты погибнешь, и тебя похоронят, вскрыв медальон, то семье помогут. Но дело как раз в том, что у бойцов Красной армии существовало стойкое поверье: если напишешь о себе в медальон, то тебя точно убьют.

Вот и получалось, что листочек с записью можно было найти в одном-двух медальонах из сотни. Это Марлену поисковики рассказали.

Исаев вскрыл мясные консервы, и они с Витьком слопали целую банку. Спиртного брать не стали, и Тимофеев выглядел вялым — непривычно ему было, чтобы утро, а он с похмелья не мается. Глядишь, так и привыкнет к трезвой жизни! Хотя... Нет.

А чем он ее заполнит тогда? Работой? Учебой? Что смеяться...

— Ну, давай, дорогой Ватсон, — потер руки Марлен, — осмотримся внимательно, поползаем с лупой.

— Дава-ай... — зевнул Тимофеев.

Битый час они ходили по высокому плоскому холму, плутали между сосен, но ничего не нашли.

— Дупель-пусто... — вздохнул Виктор.

— Похоже, — кивнул Марлен, и осторожно спустился в большую, заросшую травой яму, к остаткам той самой землянки, которую построили на месте сгоревшей часовенки.

Крыша в три наката почти сгнила, и не рухнула лишь потому, что ее удерживала четырехугольная металлическая рама, примерно метр на полтора, вроде как сваренная из толстого швеллера.

Сталь словно закалилась — не ржавела, приобретя цвет хорошо обжаренных кофейных зерен.

Было заметно, что половина крыши обвалилась по эту сторону, но кто-то трудолюбиво откопал землю и выбрал трухлявое дерево.

Надо полагать, Дим Димыч и его команда.

— А это чей? — спросил Тимофеев, кивая на сотовый телефон, лежавший внизу у металлического «остова», будто на подоконнике оконной рамы.

— Не мой, точно, — хохотнул Марлен, склоняясь, и замер.

С верха металлической конструкции свисала коричневая сосулька-сталактит. Такие порой образуются в подвалах, где сочится вода. Капля по капле, миллиметр за миллиметром. Растет сосулька десятки лет.

Но не сталактит впечатлил Исаева — вода еще и вниз капала, из-за чего на «подоконнике» наросла этакая нашлепка, больше всего похожая на кусочек грязного льда. Вот только нашлепка эта покрывала сотовый телефон...

Исаев облизал пересохшие губы. Медленно протянув руку, он положил пальцы на мобильник, стронул с места. Тот будто прилип, но нашлепка-сталагмит была хрупка.

Марлен поднес телефон к глазам. Обычный «Нокиа», бюджетная модель.

— Может, кто из поисковиков посеял? — измыслил гипотезу Тимофеев.

Исаев с сожалением посмотрел на приятеля.

— Смотри, — глухо сказал он. — Видишь этот натек?

— Ну.

— Это вот отсюда накапало. Понимаешь? Этому натеку — лет пятьдесят, если не больше.

— Ничего себе! — поразился Вика, и нахмурился: — Да чё ты врешь, Исаев? Тогда ж не было сотовых!